

УДК 10.25587/SVFU.2019.16.44308
DOI 398.22(512.1/3)

А. А. Бuryкин

Калмыцкий научный центр РАН

К ИЗУЧЕНИЮ ОТДЕЛЬНЫХ ЭПИЧЕСКИХ МОТИВОВ В ЭПОСЕ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

Аннотация. Главный предмет статьи мотив описания быстрого движения скачущего на коне всадника, выявленный в ряде тюрко-монгольских эпических произведений и богатырских сказок. Этот мотив, включающий ряд сравнений, привлекает к себе внимание в связи с традиционной темой коня для эпоса и богатырских сказок народов Центральной и Северной Азии, вызывавшей интерес многих исследователей, и для характеристики зоонимического мира эпоса. Сами по себе сходства мотивов в эпосах тюркских и монгольских народов представляют интерес, во-первых, в связи с их изобилием, нарастающим по мере введения в оборот новых текстов, во-вторых, по причине того, что они выразительно характеризуют языковую и фольклорную картину мира названных народов, в отдельных случаях отражающую древние тотемические представления, в частности, почитание волка. Другой рассмотренный мотив связан с изображением исполнения эпических песен и одинаковым сравнением игры на музыкальном инструменте с лебединым пением, весьма показательный и доказательный для обмена эпическими традициями. Цель исследования – обобщить и осмыслить разнообразие наблюдений над эпическими текстами, представляющими разные традиции, проследить возможные взаимосвязи эпических традиций, в особенности в тех случаях, где взаимосвязи неочевидны, и определить перспективы их дальнейшего исследования в сравнительно-историческом и типологическом аспектах. Новизна исследования – выявление и анализ параллелей между эпосами народов, далеко отстоящих друг от друга в географическом плане, показ общности мотивов эпоса и богатырской сказки, иллюстрации взаимовлияния эпических традиций тюркских и монгольских народов, а также и демонстрация влияния восточного эпоса на древнерусскую литературу в свете новых фактов. Неожиданным стало то, что два мотива присутствуют в древнерусском литературном памятнике XII в. – «Слове о полку Игореве», причем как раз в описании бегства главного героя князя Игоря из половецкого плена и в игре певца с тюрко-монгольским именем на музыкальном инструменте. В связи с этим наблюдением автор обращает внимание на то, что музыкальная практика певца Бояна, которого упоминает автор «Слова о полку Игореве», выглядит очень сходной с игрой на хуре героини калмыцкого героического эпоса «Джангар», для чего используются одинаковые сравнения игры на струнном инструменте и лебединого пения. Сделанные наблюдения раскрывают насыщенные примерами связи между эпическими традициями тюркских и монгольских народов, сами примеры мотивов могут умножать число восточных мотивов в древнерусской литературе старшего периода и в определенной мере предметно характеризуют единство содержания и поэтики средневекового эпоса.

Ключевые слова: эпос, богатырская сказка, тюркские народы, монгольские народы, калмыки, половцы, олонхо, «Джангар», формулы, пение, конь, всадник.

Благодарности: Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (регистрационный номер АААА-А19-119011490036-1).

БУРЫКИН Алексей Алексеевич – д. филол. н., д. и. н., в. н. с. отдела монгольской филологии Калмыцкого научного центра РАН, Элиста, Россия.

E-mail: albury@mail.ru

BURYKIN Aleksey Alekseevich – Doctor of Philological Sciences, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of Mongol Philology, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista, Russia.

E-mail: albury@mail.ru

А. А. Burykin

To the study of individual epic motifs in the epic of the Turkic-Mongolian peoples

Abstract. The main subject of the article is the motif for describing the fast movement of a rider riding a horse, revealed in a number of Turkic-Mongolian epic works and heroic tales. This motif, including a series of comparisons, attracts attention in connection with the traditional theme of the horse for the epic and the heroic tales of the peoples of Central and North Asia, which attracted the attention of many researchers, and for characterizing the zoononymous world of the epic. The similarities of motifs in the epics of the Turkic and Mongolian peoples themselves are of interest, firstly, in connection with their abundance, which grows with the introduction of new texts, and secondly, because they expressively characterize the linguistic and folklore picture of the world named peoples, in some cases reflecting ancient totemic ideas, in particular, veneration of the wolf. Another motif considered is related to the performance of epic songs with a comparison of playing a musical instrument, indicative and demonstrative for the exchange of epic traditions, especially along with the names of the performers. The purpose of the study is to generalize and comprehend various observations on epic texts representing different traditions, to trace possible interconnections of epic traditions, especially in those cases where the interconnections are not obvious, and to determine the prospects for their further research in comparative historical and typological aspects. The novelty of the study is the discovery of parallels between the epics of peoples geographically far distant from each other, a demonstration of the common motifs of the epic and a heroic tale, illustrations of the interplay of the epic traditions of Turkic and Mongolian peoples, as well as the presentation of the influence of the eastern epic and ancient Russian literature in the light of new reliable facts. It was unexpected that two motifs are present in the 12th century Old Russian literary monument – *The Song of Igor's Campaign*, moreover in the description of the flight of the protagonist of Prince Igor from Polovtsian captivity and in the singer's game with a Turkic-Mongolian name in the musical instrument. In connection with this observation, the author draws attention to the fact that the musical practice of the singer Boyan, whom the author of *The Song of Igor's Campaign* mentions, in the text looks very similar to playing the heroine of the Kalmyk heroic epic *Dzhangar*, for which the same comparisons of the game on a string instrument and swan singing are used. The observations made reveal examples of the links between the epic traditions of the Turkic and Mongolian peoples, can multiply the number of oriental motifs in ancient Russian literature of the older period, and to some extent characterize the unity of the content and poetics of the medieval epic.

Keywords: epic, heroic tale, Turkic peoples, Mongolian peoples, Kalmyks, Polovtsy, olonkho, *Dzhangar*, formulas, singing, horse, rider.

Acknowledgments: The study was carried out as part of a state subsidy – the project “Oral and written heritage of the Mongolian peoples of Russia, Mongolia and China: cross-border traditions and interactions” (registration number AAAA-A19-119011490036-1).

Введение

Общность мотивов в эпосах тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских народов привлекает к себе все большее внимание исследователей-фольклористов и эпосоведов. Указатель мотивов, составленный Е. Н. Кузьминой [1], не только не исчерпал проблему, но по сути дела поставил ее в ряд наиболее важных направлений исследования эпоса народов Сибири и Центральной Азии (см. [2, 3]). Фольклорные мотивы в эпосах и в сказках привлекают внимание ученых и в ходе исследования текстов, и при издании текстов [4-10]. Не случайно изучение эпических мотивов развернулось в 1990-2000-е гг. в связи с подготовкой эпических томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», в процессе подготовки томов «Свода калмыцкого фольклора», двух серий образцов якутских олонхо «Богатыри саха» («Олонхо боотурдара»), основанных Институтом гуманитарных исследований АН РС(Я) и Республиканской Ассоциацией Олонхо, и серии «Якутские олонхо» («Саха олонхото»), основанной НИИ Олонхо СВФУ имени М. К. Аммосова [11].

Мотив характеристики всадника, стремительно скачущего на коне

Настоящая статья посвящена одной из формул, общей для эпоса тюркских и монгольских народов – характеристике движения скачущего всадника. Этот мотив привлекает нас по ряду причин, и одна из них вовлеченность его в проблемы антропологии движения, в т. ч. у кочевых народов Евразии [12, с. 146-155].

В якутском олонхо «Кыыс Дэбиллийэ» встречается следующая формула, изображающая скачущего коня с всадником:

Добрый конь, ему предназначенный,
помчался бешено...
Горностаем стелясь,
жеребенком скача,
волком несясь... [13, с. 163, 165].

Сходные формулы, изображающие передвижение эпической героини, встретились в бурятском эпосе:

Сама обернулась
Рыжей лисицей:
И днем бежит,
И ночью трусит.
Стало ей тяжело
Дальше бежать.
Сивым волком она обернулась,
Хозяином дремучих лесов.
И днем – бежит,
И ночью – мчится [14, с. 177].

Мотив сравнения скачущего всадника с быстро бегущим в зарослях животным оказывается одним из любимых сказителями эпических мотивов.

Одним из любимых уподоблений скачущего всадника в песнях калмыцкого эпоса «Джангар», записанных от Ээлян Овла – наиболее полной версии «Джангара», оказывается следующее:

Человеку, смотревшему сбоку, казалось,
Будто сизо-белый заяц,
Выскочив из осоки,
Прыжками помчал по осоке [15, с. 209-210].

Это сравнение применительно к разным героям эпоса у Ээлян Овла встречается еще шесть раз [15, с. 215, 244, 276, 295, 324, 332] и также может считаться одним из устойчивых, и, видимо, архаических элементов текста «Джангара».

Сходная формула встречается в калмыцких богатырских сказках: «Словно по бугоркам скачущий горбатый заяц, сгорбившись, побежал, словно вылетевшая стрела, дрожа, побежал. Вдогонку за ним, не упуская хватающей с восемью сосками тощей чёрной собакой обернувшись, пустился. Нальхан Цаган эджи трёхлетний Найхал стал догонять его» [16, с. 271]; «Словно пуля, выпущенная из ружья, словно бегущий по дороге тушканчик, подобно весеннему суховету, подобно пламени, пожирающему осоку, подобно волку, поедающему жир, словно пугаясь пыли, словно брезгуя ею, мчался [конь]. Так мчался, что тавро на его темени расплылось от бега. К северу той стороны, где восходит солнце, направляясь, помчался он» [16, с. 49].

Приведем еще описание бега коня из калмыцкой сказки «Батыр Дамбин-Улан и храбрый конь его Давшурин Хурдун-Хара», которое привлекает внимание своей развернутостью, не характерной для богатырских сказок и характерной как раз для эпоса: «Давшурин-Хурдун Хара так скакал, что передние ноги на день уходили вперед. Кто спереди на коня смотрел, думал, что это степной серый заяц бежит, кто сзади на коня смотрел, думал, что это звонкая стрела летит, кто сбоку на коня смотрел, думал, что его пуля из ружья летит, кто сверху на коня смотрел, тот думал, что это быстрокрылая птица летит, а кто снизу на коня смотрел, думал, что это могучее море шумит» [17, с. 8]. Интересно, что присутствие частичных смысловых повторов делает эти сравнения сопоставимыми с эпическими сравнениями, характерными для якутских олонхо.

Сходные формулы, весьма интересные для сравнительного изучения эпического формульного материала, встречаются в фольклоре алтайских тувинцев, живущих в Монголии:

«И Гунан Хара бежал, бежал, оборотился на бегу лисой-трехлеткой и побежал дальше. Потом обернулся трехлетним орлом и полетел через озеро, а подлетев ближе, опустился белым туманом, укротил белую верблюдицу и выдоил из ее вымени молока» [18, с. 119].

«Обернулся он тогда волком-трехлетком и побежал, побежал; Потом обернулся лисой-трехлеткой и побежал дальше; потом обернулся трехлетней лаской и добежал до них» [18, с. 120].

«Скакал Хан Тёгюсвек прямо на север. Скакал он, скакал, все приближаясь к Синему быку. А когда он уже совсем приблизился к Синему быку, оборотился он тут же, на месте, превратившись в змею, потом в волка, и так, превращаясь в разных животных, он добежал до цели, оборотился золотым клещом и забрался в шерсть на крупе Синего быка. И, сидя там, он с помощью волшебства вложил в пасть быка тройной недоуздок из четок и тогда опять принял свой первоначальный вид» [18, с. 166].

Как представляется, у нас есть доказательства способности богатырей превращаться в эпических животных, обнаруживаемые в анализируемом нами тувинском материале:

«Бёген Сагаан Тоолай ответил:

– Я могу обернуться соколом и полететь, а потом превратиться в иноходца. Этими двумя волшебствами я владею.

И когда он спросил: “Хёдээнинг Гёк Бёге, а у тебя какая волшебная сила?” – тот ответил:

– Я могу превратиться в синего волка и побежать. Если это не нужно, то никаким другим волшебством я не владею» [18, с. 83]. Не может не привлечь внимания устойчивая для всех эпох смена кода для обозначения героя: герой сравнивается с зайцем, лисой, волком, птицей, и в основе всех уподоблений лежит способность к быстрому перемещению, важному в развитии сюжета.

Как бы это ни казалось необычным, но мотив сравнения скачущего всадника с быстро бегущим в зарослях животным встречается в одном из памятников древнерусской литературы второй половины XII в. – в «Слове о полку Игореве» (далее – «Слово»):

А Игорь князь поскочи горностаем к тростию и бълмыъ гоголемъ на воду. Въвърже ся на бързъ комонъ и скочи с него босымъ вълкомъ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Овлур вълкомъ потече, труся собою студеную росу... [19, с. 41-42].

Соответствующий образ «Слова» «горнастаемъ к тростию» вообще ранее не привлекал комментаторов ввиду того, что основания для его сравнения попросту не обнаруживались. Даже на его «восточный», половецкий контекст в повествовании исследователи не обратили внимания. Разбиралось только словосочетание *босый волк* (см. [20, с. 370-371], для которого предполагались и тюркские, и собственно русские диалектные истоки: вопрос этот требует дальнейших исследований, аргументы обнаруживаются как в пользу одной, так и в пользу другой точки зрения. Словосочетание «босый волк» действительно похоже на наименование волка у тюрко-монгольских народов: калм. *көк һалзи чон* «сивый волк», тюрк. *kök börü* «серый волк, сивый волк». В вариантах «Джангара» встречаются следующие строки:

Ведь ты же был сивым волком пустыни у меня,

Ведь ты же был соколом, Хонгор мой, среди людей [21, с. 133].

В калмыцких богатырских сказках волк почти всегда имеет эпитет «черный с лысиной волк» – *хар һалзи чон* [16, с. 197, 199, 317, 319, 331]. Примечательно, что монгольское обозначение белого пятна на лбу животного, «лысины», имеет точную параллель на общеалтайском уровне в древнетюркском *qaşu* «лысина, белое пятно на лбу животного». Материал «Джангара» и других образцов эпоса тюркских и монгольских народов, если только основания для сопоставления одного из повторяющихся мест его песен будут признаны достаточно серьезными, позволяет по-новому взглянуть на данный фрагмент «Слова»: эпизод бегства князя из половецкого плена описывается автором в тех же красках, какими изображаются действия ойратских богатырей в устном эпосе.

Существенно, что потенциальные и реальные аналогии «Слова» и элементов восточного эпоса привлекали к себе внимание именно в контексте проблемы автора «Слова». Н. А. Баскаков еще во время дискуссии о подлинности «Слова» в 1963 г. обратил внимание на параллели между «Словом» и отдельными образцами тюркского эпоса. Он писал: «Значительное влияние половецкое сказочное и эпическое творчество оказало и на формирование творчества автора “Слова...” – через половецкие сказания и эпические героические былины, передаваемые половецким окружением княжеского двора или семьи дружинника-аристократа, т. е. среды, из которой, безусловно, вышел автор “Слова...”» [22, с. 96]; в выступлении в дискуссии 1963 г.

Н. А. Баскаков даже видел в авторе «лицо смешанной крови» [23, с. 299]. Хотя наши собственные разыскания не подтверждают таких предположений, остается возможность, что наш претендент на авторство «Слова» Кузьмище Киянин – архитектор и дизайнер по профессии, скорее всего, учившийся ремеслам в Византии, вероятно, владевший навыками и техникой живописи, позволившими ему иллюстрировать протограф Радзивилловской летописи, и имевший литературное дарование, выражающееся в переводе и написании оригинальных повествовательных произведений, проявлявший колоссальное внимание к выстраиванию сюжета, интересовался и фольклором, в т. ч. фольклором восточных соседей Руси. В наши дни исследователи ставят вопрос о параллелях между «Словом» и ногойским фольклором, хотя представленный в литературе опыт сравнения этих текстов [24] нельзя признать убедительным.

Автор статьи и его учитель Н. А. Мещерский, по мнению автора одной из публикаций¹, виноваты в том, что не привлекли к обсуждению критического текста «Слова» суждения О. О. Сулейменова, высказанных в его книге «Аз и Я» [25]. Объясним свою позицию – это делается намеренно по одной причине: мысли О. О. Сулейменова, возможно, уместные в литературной публицистике, не имеют ничего общего с филологической наукой в ее приложении к древнерусским литературным памятникам. Мы нигде – ни в литературных сочинениях, ни в летописях, ни в грамотах, ни в надписях – не имеем возможности встретиться с тем древнерусско-тюркским волапоком, который конструировал на основе «Слова» О. О. Сулейменов. Более того, наоборот – в некоторых произведениях мы видим следы блестящего знания тюркских языков древнерусскими книжниками и, если пользоваться современным и терминами, военными переводчиками, собиравшими сведения о тюркских войсках и допрашивавшими пленных [20, с. 198-202]. Вопрос об особой насыщенности «Слова» тюркскими элементами полагается закрытым, ибо, как показали разыскания, среди ориентализмов в «Слове» к тюркским элементам относятся всего 4 слова: – *яруга, орътма, чяга, кощеи* [26, с. 13], личные имена и топонимы в счет не идут, а остальные восточные слова в «Слове» тюркскими не являются.

Мотив сравнения игры певца на хуре с лебединым пением

Нам удастся обнаружить потенциальные восточные эпические параллели еще к одному фрагменту «Слова».

Это мотив сравнения игры на музыкальном инструменте с лебединым пением: *[Боян] тогда пуццашеть 10 соколовъ на стадо лебедей, которы дотечяше, та преди песнь пояше...* [19, с. 50]. Зоологи-комментаторы «Слова» (Н. В. Шарлемань и др.) отмечали чисто образный характер этого фрагмента: звуки лебединого пения в реальности отнюдь не услаждают слух, хотя Ш. В. Шарлемань иначе, вполне положительно с эстетической точки зрения оценивает пение лебедя-кликуна [27, с. 23]. Это же сравнение чрезвычайно характерно для песен «Джангара»:

Когда она [Шавдал] стала играть
На девяностооднострунном серебристо-звонком хуре,
Послышалось пение лебедей,
Гнездящихся в камышах,
Послышались голоса уток,
Гнездящихся (в камышах) озера [15, с. 200].

Тот же мотив встречается в другой песни «Джангара» (записи Н. И. Михайлова):

Прекрасному в мире Мингъяну велели на свирели играть,
звуки свирели его,
подобны голосу лебедя...
Подобные голосу лебедя,
что будет доноситься
до трех поколений [15, с. 357].

Это же сравнение четыре раза встречается в другом цикле песен «Джангара» записанных от М. Басангова [28, с. 26, 29, 71, 136-137], где игра другого персонажа – Мингъяна, одного из богатырей Джангара, на хуре уподобляется пению лебедя. Таким образом, есть все основания считать, что такое сравнение явно принадлежит древнейшему тексту «Джангара» – оно

¹ Федонькин Е. Склока о полку Игореве. URL: <http://www.info.jinr.ru/~bljv/igor.htm>

сохраняется по крайней мере в трех разных версиях эпоса, записанных от разных сказителей, и при этом в одной из версий устойчиво повторяется [29, с. 163]. Имя певца – Боян – однозначно имеет тюркское или монгольское происхождение: детали здесь не слишком принципиальны [29, с. 84-95]. И нет ничего удивительного в том, что певец с таким именем, играя на восточном инструменте, исполнял песнопения, традиционно сравниваемые с лебединым пением, которое, похоже, имело положительную оценку в восточной эпической эстетике, которая укоренилась в древнерусской словесности как поэтический образ. Кажется, можно считать источник этого мотива «Слова» установленным с достаточной степенью надежности.

Заключение

Формулы, изображающие скачущего богатырского коня или стремительно перемещающегося эпического героя, в эпической традиции тюркских и монгольских народов соотносятся со свойствами богатырей. Возможно, за ними стоят мотивы оборотничества «человек-зверь», реализуемые в архаических эпических традициях. Мотивы или общие места с изображением скачущего всадника имеют распространение в эпосе тюркских и монгольских народов, и, как можно судить, являются достаточно древними, они могут связываться с периодом становления верховой езды как культурной практики. Эстетический канон, по правилам которого складывались эпические произведения и богатырские сказки тюркских и монгольских народов, похоже, также является очень древним и как набор мотивов и состав мотивов хорошо сохранился в ойратской эпической традиции и традициях тюркских народов Южной Сибири и якутов. Наверное, уже стоит говорить о сложении единого восточного эпического пространства, образуемого традициями тюркских и монгольских народов, на которое оказывала влияние книжная иранская литературная традиция. Свойства способности к быстрому, стремительному перемещению в литературном авторском тексте «Слова о полку Игореве» связываются с чертами литературных персонажей, к которым автор относится с симпатией и по этой причине наделяет их чертами героев-богатырей восточного эпоса. Как представляется, текстовые сходства «Слова» с образцами устной словесности – как русской, так и восточной – не занимают значительного места в поэтике памятника, но, несмотря на то, что исключительное художественное и литературное дарование автора «Слова» позволяет предполагать его знакомство с этим материалом, делаемые наблюдения представляют интерес, но пока не являются достаточно надежными. Количество восточной и особенно тюркской лексики в «Слове», даже со ссылками на специальные исследования, часто неоправданно завышается за счет включения в ее состав восточных антропонимов и топонимов, не могущих свидетельствовать о тюркской основе языка автора «Слова», и даже о значимости его тюркских компонентов. Тем не менее, материал, составивший сюжет настоящей статьи, заставляет вернуться к идеям включенности «Слова» в европейский процесс эволюции средневекового героического эпоса [30], и сделать некоторые добавления к имеющимся наблюдениям других авторов [31, с. 219-335]. Сам по себе сюжет пленения князя Игоря в степи, а не на своей земле (он, хоть и был схвачен половцами, но не считался «полоненным», потому что не был захвачен в результате нападения на свой город, чего он боялся и что считал недостойным для себя и своей дружины), и его возвращения требует внимания не только в историческом [32], но и в литературном контексте: возможно, автор «Слова» хотел реализовать на своем материале мотив возвращения Одиссея из странствий на родную Итаку.

Литература

1. Кузьмина Е. Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов): эксперим. изд. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – 1383 с.
2. Функ Д. А. Рец. на: Е. Н. Кузьмина. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов). Экспериментальное издание / Отв. ред. Н. А. Алексеев. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 1382 с. // Этнографическое обозрение. – 2008, № 2. – С. 173-177.
3. Селеева Ц. Б. Указатель тем калмыцкой и синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар». – Элиста: КИГИ РАН, 2013. – 276 с.
4. Селеева Ц. Б. Тематическая структура эпоса «Джангар»: калмыцкая версия Ээлян Овла и ее синьцзян-ойратские соответствия: автореф. дисс. ... к. филол. н. – М., 2018. – 29 с.

5. Манджиева Б. Б. Конь героя в калмыцкой богатырской сказке и в героическом эпосе «Джангар» // Современные проблемы науки и образования. – 2015, № 1. Ч. 1. – С. 1189-1196.
6. Мутляева Б. Э. Мотив чудесного рождения героя в тюрко-монгольском героическом и сказочном эпосе // Типологические и художественные особенности «Джангара». – Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1978. – С. 51-62.
7. Мутляева Б. Э. Мотив чудесного рождения героя в сказочном эпосе монгольских народов и калмыцком эпосе «Джангар» // Эпическая поэзия монгольских народов (Исследования по эпосу). – Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1982. – С. 43-49.
8. Нарынбаева Н. О. Некоторые параллели эпических мотивов в общетюркском контексте // Academy. – 2016, № 9 (12). – С. 8-11.
9. Нарынбаева Н. О. Некоторые эпические параллели кыргызских эпосов и калмыцкого «Джангара» (на примере эпосов «Манас», «Эр Тёштюк» и «Джангар») // «Джангар» и эпические традиции тюрко-монгольских народов: проблемы сохранения и исследования: материалы III Международной научной конференции, посвященной 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста, 15-16 сентября 2016 г.). – Элиста: КИГИ РАН, 2016. – С. 181-188.
10. Исаева А. К. Мотивный фонд кыргызского и якутского эпосов о девах-воительницах // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова: Серия Эпосоведение. – 2018, № 4 (12). – С. 28-41. doi: 10.25587/SVFU.2018.12.22331.
11. Иванов В. Н., Львова С. Д., Герасимова Л. Н. Энциклопедия Олонхо (концепция) // Гуманитарные научные исследования. – 2015, № 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2015/12/13552> (дата обращения: 26.03.2019).
12. Головнев А. В. Антропология движения (древности Северной Евразии). – Екатеринбург: УрО РАН; «Волот», 2009. – 496 с.
13. Якутский героический эпос «Кыыс Дэбиллийэ». – Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1993. – 330 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока). (на якутском и русс. яз.)
14. Бурятский героический эпос «Аламжи Мэргэн молодой и его сестрица Агуй Гохон». – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991. – 312 с. (на бурятском и русс. яз.)
15. Джангар. Калмыцкий народный героический эпос. – М.: Наука, 1990. – 479 с. (на калмыцком и русс. яз.)
16. Калмыцкие богатырские сказки / Сост. Б. Б. Манджиева, Т. А. Михалева, Ц. Б. Селеева. – М.: АО «Первая образцовая типография», Филиал «Чеховский Печатный Двор», 2017. – 562 с. (на калмыцком и русс. яз.)
17. Медноволосяя девушка. Калмыцкие народные сказки. – М.: Наука, ГРВЛ, 1964. – 272 с. (на калмыцком и русс. яз.)
18. Сказки и предания алтайских тувинцев / Сост. Э. Таубе; пер. на русс. яз. Б. Е. Чистова. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1994. – 382 с. – (Сказки и мифы народов Востока).
19. Ироическая песнь о походе на половцов удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребляемое ныне наречие. – М.: Сенатская типография, 1800. – 46 с.
20. Бурыкин А. А. «Слово о полку Игореве»: текст, язык, автор. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. – 416 с.
21. Биткеев Н. Ц. Сравнения и метафоры в «Джангаре» Ээлян Овла и его последователей // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. – 1976, № 14. – С. 132-140.
22. Баскаков Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». – М.: Наука, 1985. – 211 с.
23. Баскаков Н. А. Выступление // История спора о подлинности «Слова о полку Игореве» / Сост. Л. В. Соколова. – СПб.: Наука, 2010. – С. 297-308.
24. Сафиуллина Ч. Н., Дердизова К. Ю. Лексико-семантическая общность текстов кумыкского историко-героического эпоса и «Слова о полку Игореве» // Вестник Елабужского государственного педагогического университета. – 2010, № 3. – С. 105-107.
25. Сулейменов О. О. Аз и Я. Книга благонамеренного читателя. – Алма-Ата: Жазушы, 1975. – 304 с.
26. Бурыкин А. А. Темы, ставшие призраками науки: к итогам изучения «Слова о полку Игореве» // Кирилло-Методиевские чтения-2018 в Калмыцком государственном университете им. Б. Б. Городовикова: лингвокультурный, исторический и межконфессиональный диалог: материалы Межрегиональной научной конференции с международным участием (г. Элиста, 23 мая 2018 г.) / редкол.: Е. С. Котяева и др. – Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2018. – С. 12-16.
27. Шарлемань Н. В. Природа и люди Киевской Руси. – Киев: Простір, 1997. – 166 с. – (История охраны природы. Вып. 13).

28. Джангар. Эпический репертуар Мукебюна Басангова. – Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1988. – 158 с.
29. Олядыкова Л. Б., Бурыкин А. А. «Слово о полку Игореве». Современные проблемы филологического изучения. Исследования и статьи. – Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2012. – 265 с.
30. Робинсон А. Н. «Слово о полку Игореве» и героический эпос средневековья // Вестник АН СССР. – 1976, № 4. – С. 104-112.
31. Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья XI-XIII вв.: Очерки литературно-исторической типологии. – М.: Наука, 1980. – 336 с.
32. Робинсон А. Н. Побег князя Игоря из половецкого плена: (Причины и последствия) // Литература и искусство в системе культуры. – М.: Наука, 1988. – С. 148-154.

References

1. Kuz'mina E. N. *Ukazatel' tipicheskikh mest geroicheskogo eposa narodov Sibiri (altaitsev, buryat, tuvintsev, khakasov, shortsev, yakutov): eksperim. izd.* [Index of typical places of the heroic epic of the peoples of Siberia (Altaians, Buryats, Tuvinians, Khakas, Shors, Yakuts): experimental edition]. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN, 2005, 1383 p.
2. Funk D. A. *Rets. na: E. N. Kuz'mina. Ukazatel' tipicheskikh mest geroicheskogo eposa narodov Sibiri (altaitsev, buryat, tuvintsev, khakasov, shortsev, yakutov). Eksperimental'noe izdanie* [Rev. of: Kuzmina E. N. Index of typical places of the heroic epic of the peoples of Siberia (Altaians, Buryats, Tuvinians, Khakas, Shors, Yakuts): experimental edition]. In: *Etnograficheskoe obozrenie* [The ethnographic Review]. 2008, No. 2, pp. 173-177.
3. Seleeva Ts. B. *Ukazatel' tem kalmytskoi i sin'iszyan-oiratskoi versii eposa "Dzhangar"* [Index to the Kalmyk and Xinjiang Oirat versions of the epic "Dzhangar"]. Elista, KIGI RAN, 2013, 276 p.
4. Seleeva Ts. B. *Tematicheskaya struktura eposa "Dzhangar": kalmytskaya versiya Eelyan Ovla i ee sintszyan-oiratskie sootvetstviya* [Thematic structure of the epic "Dzhangar": Kalmyk version of Eelyan Ovla and Xinjiang Oirat compliance]. Avtoref. diss. ... k. filol. n. Moscow, 2018, 29 p.
5. Mandzhieva B. B. *Kon' geroia v kalmytskoi bogatyrskoi skazke i v geroicheskom epose "Dzhangar"* [The hero's horse in the Kalmyk heroic tale and in the heroic epic "Dzhangar"]. In: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Contemporary problems of Science and Education]. 2015, No. 1, part 1, pp. 1189-1196.
6. Mutlyaeva B. E. *Motiv chudesnogo rozhdeniya geroia v tyurko-mongol'skom geroicheskom i skazochnom epose* [The motif of the miraculous birth of the hero in the Turkic-Mongolian heroic and fairy-tale epic]. In: *Tipologicheskie i khudozhestvennye osobennosti "Dzhangara"* [Typological and artistic features of "Dzhangar"]. Elista, Kalmytskoe kn. izd-vo, 1978, pp. 51-62.
7. Mutlyaeva B. E. *Motiv chudesnogo rozhdeniya geroia v skazochnom epose mongol'skikh narodov i kalmytskom epose "Dzhangar"* [The motif of the miraculous birth of the hero in the fabulous epic of the Mongolian peoples and the Kalmyk epic "Dzhangar"]. In: *Epicheskaya poeziya mongol'skikh narodov (Issledovaniya po eposu)* [Epic poetics of the Mongolian peoples (Studies in Epics)]. Elista, Kalmytskoe kn. izd-vo, 1982, pp. 43-49.
8. Narynbaeva N. O. *Nekotorye paralleli epicheskikh motivov v obshchetyurkskom kontekste* [Some parallels of epic motifs in the general Turkic context]. In: *Academy*. 2016, No. 9 (12), pp. 8-11.
9. Narynbaeva N. O. *Nekotorye epicheskie paralleli kyrgyzskikh eposov i kalmytskogo "Dzhangara" (na primere eposov "Manas", "Er Teshtyuk" i "Dzhangar")* [Some epic parallels of Kyrgyz epics and Kalmyk "Dzhangar" (on the example of epics "Manas", "Er Testyuk" and "Dzhangar")]. In: *"Dzhangar" i epicheskie traditsii tyurko-mongol'skikh narodov: problemy sokhraneniya i issledovaniya: materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 75-letiyu Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN (g. Elista, 15-16 sentyabrya 2016 g.)* ["Dzhangar" and epic traditions of Turkic-Mongolian peoples: problems of preservation and research: Proceedings of the III International Scientific Conference dedicated to the 75th anniversary of the Kalmyk Institute for humanitarian studies (Elista, September 15-16, 2016)]. Elista, KIGI RAN, 2016, pp. 181-188.
10. Isaeva A. K. *Motivnyi fond kyrgyzskogo i yakutskogo eposov o devakh-voitel'nitsakh* [Motif fund of the Kyrgyz and Yakut epics about the woman-warrior]. In: *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova: Seriya Eposovedenie* [Vestnik of North-Eastern Federal University: Series Epic studies]. 2018, No. 4 (12), pp. 28-41. doi: 10.25587/SVFU.2018.12.22331.
11. Ivanov V. N., L'vova S. D., Gerasimova L. N. *Entsiklopediya Olonkho (kontseptsiya)* [The Encyclopedia of Olonkho (conception)]. In: *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* [Humanitarian Scientific Researches]. 2015, No. 12 [Web resource]. URL: <http://human.snauka.ru/2015/12/13552> (accessed March 26, 2019).
12. Golovnev A. V. *Antropologiya dvizheniya (drevnosti Severnoi Evrazii)* [The Anthropology of Movement (the antiquities of Northern Eurasia)]. Ekaterinburg, UrO RAN, "Volot", 2009, 496 p.
13. *Yakutskii geroicheskii epos "Kyys Debiliie"* [Yakut heroic epic "Kyys Debiliie"]. Novosibirsk, VO "Nauka", Sibirskaya izdatel'skaya firma, 1993, 330 p. (*Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East]). (In Yakut and Russ. lang.)

14. *Buryatskii geroicheskii epos "Alamzhi Mergen molodoi i ego sestritsa Agui Gokhon"* [Buryat heroic epic "Alamzhi Mergen the young and his sister Aguy Gokhon"]. Novosibirsk, Nauka, Sib. otd-nie, 1991, 312 p. (In Buryat and Russ. lang.)
15. *Dzhangar. Kalmytskii narodnyi geroicheskii epos* [Dzhangar. Kalmyk folk heroic epic]. Moscow, Nauka, 1990, 479 p. (In Kalmyk and Russ. lang.)
16. *Kalmytskie bogatyrskie skazki* [Kalmyk heroic tales]. Sost. B. B. Mandzhieva, T. A. Mikhaleva, Ts. B. Seleeva. Moscow, AO "Pervaya obraztsovaya tipografiya", Filial "Chekhovskii Pechatnyi Dvor", 2017, 562 p. (In Kalmyk and Russ. lang.)
17. *Mednovolosaya devushka. Kalmytskie narodnye skazki* [Copper-haired girl. Kalmyk folk tales]. Moscow, Nauka, GRVL, 1964, 272 p. (In Kalmyk and Russ. lang.)
18. *Skazki i predaniya altaiskikh tuvintsev* [Tales and legends of Altai Tuvinians]. Sost. E. Taube; per. na russ. yaz. B. E. Chistova. Moscow, Izdatel'skaya firma "Vostochnaya literatura" RAN, 1994, 382 p. (*Skazki i mify narodov Vostoka* [Fairy tales and myths of the peoples of East]).
19. *Iroicheskaya pesn' o pokhode na polovtsov udel'nogo knyazya Novagoroda-Severskogo Igorya Svyatoslavicha, pisannaya starinnyim russkim yazykom v iskhode XII stoletiya s perelozheniem na upotreblYaemoe nyne narechie* [Heroic song about the campaign against the Polovtsian of apanage prince of Novagorod-Seversky Igor Svyatoslavich, written in ancient Russian language at the end of the XII century, with an arrangement on the dialect now used]. Moscow, Senatskaya tipografiya, 1800, 46 p.
20. Burykin A. A. "*Slovo o polku Igoreve*": tekst, yazyk, avtor ["The Song of Igor's Campaign": Text, Language, Author]. Saint Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie, 2017, 416 p.
21. Bitkeev N. Ts. *Sravneniya i metafory v "Dzhangare" Eelyan Ovla i ego posledovatelei* [Similes and metaphors in "Dzhangar" of Eelan Ovla and its followers]. In: *Vestnik Kalmytskogo NIIYaLI* [Bulletin of Kalmyk Scientific Research Institute of Language, Literature and History]. 1976, No. 14, pp. 132-140.
22. Baskakov N. A. *Tyurkskaya leksika v "Slove o polku Igoreve"* [Turkic vocabulary in "The Song of Igor's Campaign"]. Moscow, Nauka, 1985, 211 p.
23. Baskakov N. A. *Vystuplenie* [Report in discussion]. In: *Istoriya spora o podlinnosti "Slova o polku Igoreve"* [The history of the dispute about the authenticity of "The Song of Igor's Campaign"]. Sost. L. V. Sokolova. Saint Petersburg, Nauka, 2010, pp. 297-308.
24. Safiullina Ch. N., Derdizova K. Yu. *Leksiko-semanticheskaya obshchnost' tekstov kumykskogo istoriko-geroicheskogo eposa i "Slova o polku Igoreve"* [Lexical and semantic community of texts of Kumyk historical and heroic epic and "The Song of Igor's Campaign"]. In: *Vestnik Elabuzhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Elabuga State Pedagogical Institute]. 2010, No. 3, pp. 105-107.
25. Suleimenov O. O. *Az i Ya. Kniga blagonamerennogo chitatelya* [Az and Ya. The Book of a well-meaning reader]. Alma-Ata, Zhazushy, 1975, 304 p.
26. Burykin A. A. *Temy, stavshie prizrakami nauki: k itogam izucheniya "Slova o polku Igoreve"* [Topics that have become ghosts of science: to the results of the study of "The Song of Igor's Campaign"]. In: *Kirillo-Mefodievskie chteniya-2018 v Kalmytskom gosudarstvennom universitete im. B. B. Gorodovikova: lingvokul'turnyi, istoricheskii i mezkhkonfessional'nyi dialog: materialy Mezhtseional'noi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (g. Elista, 23 maya 2018 g.)* [Cyril and Methodius Readings-2018 at B. B. Gorodovikov Kalmyk State University: linguistic, cultural, historical and interfaith dialogue: materials of the Interregional Scientific Conference with international participation (Elista, May 23, 2018)]. Redkol.: E. S. Kotyaeva i dr. Elista, Izd-vo Kalmytskogo un-ta, 2018, pp. 12-16.
27. Sharleman' N. V. *Priroda i lyudi Kievskoi Rusi* [Nature and people of Kievan Rus]. Kiev, Prostir, 1997, 166 p. (*Istoriya okhrany prirody. Vyp. 13* [History of nature conservation. Iss. 13]).
28. *Dzhangar. Epicheskii repertuar Mukebyuna Basangova* [Dzhangar. Epic repertoire of Mukebun Basangov]. Elista, Kalmytskoe kn. izd-vo, 1988, 158 p.
29. Olyadykova L. B., Burykin A. A. "*Slovo o polku Igoreve*". *Sovremennye problemy filologicheskogo izucheniya. Issledovaniya i stat'i* ["The Song of Igor's Campaign". Contemporary problems of Philological Study. Research and articles]. Elista, Izd-vo Kalmytskogo un-ta, 2012, 265 p.
30. Robinson A. N. "*Slovo o polku Igoreve*" i *geroicheskii epos srednevekov'ya* ["The Song of Igor's Campaign" and the heroic epic of the Middle Ages]. In: *Vestnik AN SSSR* [Bulletin of Academy of Sciences of USSR]. 1976, No. 4, pp. 104-112.
31. Robinson A. N. *Literatura Drevnei Rusi v literaturnom protsesse Srednevekov'ya XI-XIII vv.: Ocherki literaturno-istoricheskoi tipologii* [Literature of Ancient Russia in the literary process of the Middle Ages XI-XIII centuries: Essays of literary and historical typology]. Moscow, Nauka, 1980, 336 p.
32. Robinson A. N. *Pobeg knyazya Igorya iz polovetskogo plena: (Prichiny i posledstviya)* [Escape of Prince Igor from Polovtsian captivity: (Causes and consequences)]. In: *Literatura i iskusstvo v sisteme kul'tury* [Literature and art in the system of culture]. Moscow, Nauka, 1988, pp. 148-154.